

Тарасов Олег Юрьевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории культуры
Хабаровского государственного института
искусств и культуры
dom-hors@mail.ru

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТОПОНИМИИ
ВЕРХНЕГО ПРИАМУРЬЯ:
ЭТАПЫ КУЛЬТУРНОГО
И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ
В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ**

Аннотация:

Формирование «топонимического портрета» Верхнего Приамурья с позиции истории освоения региона – малоизученный аспект исследований взаимодействия культурного и географического пространства районов позднего заселения. В статье представлены этапы развития топонимии западной части Дальнего Востока России с приведением уникальных примеров географических названий. Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 12-01-00370 «Топонимический аспект освоения Верхнего Приамурья».

Ключевые слова:

культурное и географическое пространство районов позднего заселения, история формирования региональной топонимики.

Tarasov Oleg Yuryevich

PhD in History,
Assistant Professor of the Theory
and History of Culture,
Khabarovsk State Institute of Arts and Culture
dom-hors@mail.ru

**HISTORY OF THE UPPER AMUR
RIVER REGION'S TOPONYMS
DEVELOPMENT: STAGES OF
CULTURAL AND ECONOMIC
SETTLEMENT IN GEOGRAPHIC NAMES**

Summary:

The formation of the toponymic portrait of the Upper Amur River region from the perspective of the history of the region development is a little-studied aspect of researches of interaction between cultural and geographic spaces of the regions with latest settlement. The article deals with development stages of the Western Far East of Russia's toponyms with citing unique examples of the place names. Published with financial support from the Russian Humanities Research Foundation, project №12-01-00370 "Toponymic aspect of the Upper Amur River region settlement".

Keywords:

cultural and geographic spaces of the regions with latest settlement, history of regional toponymy formation.

Географическое и культурное пространство – два феномена, неотрывно связанные друг с другом. На первых этапах освоения Приамурья человек и человеческие коллективы оставляли после себя не только материальные следы освоения территории, но и духовное наследие географических имен, учитывая даже то, что письменность у коренных народов Приамурья отсутствовала.

В китайских летописях, касающихся ранних периодов освоения Приамурья, правдивое повествование смешивается с мифологическими легендами и сказками. В них также немало путаницы в наименованиях народностей, собственных имен и местностей.

Согласно китайским источникам, предками приамурских эносов принято считать племя сушень. Современникам Ханьской династии племя сушеней известно под именем илоу, во времена северной Вэйской династии их называли уцзи, или воцзи. При Сунской династии (в IV в. н.э.) это племя и страна, населенная им, назывались мохэ (также ши-вей).

Племена, называвшиеся в Китае ши-вей, по нашему мнению, являлись прямыми предками эвенков, известных прежде под именами тунгусов, солонов, манегров, бираров, а также обитающих в Забайкальском крае по рекам Аргуни, Шилке, Онону, Нерче и Куэнге, теперь совершенно обрусевших эвенков. Там до сих пор сохранились названия речек и урочищ, созвучные слову «ши-вей»: Швея, Шивия, Шивки, Шиванда и т.д. На правом берегу Аргуни, против села Олочи, Забайкальского края, стоит маленький китайский городок Ши-вэй, расположенный близ той местности, из которой в XVII в. эмигрировал на русскую территорию эвенкийский князь Ган-тимур-Улан со своим родом. В свою очередь на правом берегу Амура напротив села Албазино находится китайский поселок Мохэ.

Имена эвенкийских родов встречаются на карте Верхнего Приамурья достаточно часто. Это топонимы и 4-го уровня, [1, 81–88] которые «закрепляют» определенную территорию за человеком или группой людей. В частности, есть «именные, родовые» (по культурантропологической классификации) [2, с. 7] топонимы. Например, Кендагиры – местность и железнодорожная станция на р. Черный Урюм (кендигиры – это название одного из эвенкийских родов, кочевавших в XVII–XIX вв. в этих местах) [3, с. 19] или ряд названий в Амурской области (в Сквородинском, Магдагачинском районах), связанных с названием рода улэт, улягир (Улятка, Ульручи, Улягир).

Картографическая фиксация топонимов в зоне Верхнеамурского этнотопонимического субстрата происходила поэтапно и с разных направлений.

1-й этап – «первопроходческий» (1644–1689). Первоначальная официальная географическая номенклатура Верхнего Приамурья установилась в XVII в. благодаря трудам русских землепроходцев и первого картографа Сибири С.У. Ремезова. Она составила основу всей последующей современной топонимии. Процесс присоединения Приамурья к России сопровождался и процессом создания картографической основы присоединяемых земель. Многочисленные «отписки», «росписи», «росписи именные», «чертежи», «челобитные», «чертежные росписи», «распросные речи» и другие записи, сделанные русскими землепроходцами на открытых ими землях в Приамурье, явились исходными первыми топонимическими документами, навеки закрепившими наименования географических объектов, прежде всего рек и озер (гидронимов), человеческих поселений.

Географические названия, зафиксированные русскими в XVII в., впоследствии почти полностью были закреплены как официальная номенклатура, применяемая в картографии, административно-территориальном устройстве и в других официальных документах, и прочно вошли в употребление разноязычного населения территории Верхнего Приамурья [4, с. 111].

Продлился этот период от первого похода И. Москвитина до взятия Албазина 21 (31) июля 1689 г. С этого года картографирование территории Верхнего Приамурья приостановилось.

На первом этапе появляются названия русских ойконимов (мест поселения) – Кумарский, Албазинский, Усть-Стрелочный остроги, реки Горбица, Завитая, Становой хребет и т.д.

2-й этап – этап «скрытого картографирования» (1689–1858). После заключения Нерчинского договора Верхнеамурский топонимический субстрат «осваивался» в основном картографическими методами. Приведем некоторые примеры.

1693 г. французский иезуит Ф. Аврил опубликовал русские маршруты в Китай и ознакомил тем самым ученые круги Европы с открытиями русских в Восточной Азии.

1735 г. профессор Миллер изучал Нерчинский архив, в частности материалы по истории пребывания русских на Амуре в XVII в. [5, с. 108].

В 1735 г. из Нерчинска отправилась экспедиция геодезистов П. Скобельцына и В. Шатилова «для отыскания ближайшего пути к Камчатскому морю».

В 1753 г. известный русский гидролог Ф.И. Соимонов изучал фарватер Шилки и разведывал пути по Амуру [6, с. 115].

В 1768–1772 гг. академик Петр Симон Паллас с экспедицией исследовал Даурские горы до китайской границы и доходил до Амура [7, с. 116].

Зимой 1844–1845 гг. академик А.Ф. Миддендорф, возвращаясь из путешествия по Охотскому побережью, прошел вдоль и поперек всю Амурскую область (Тугур, Немилей, Керби, Буреинский хребет, Бурей, Ниман, Кебели, Селемджа, Зея, Гиллюй, Ольдой, Уруша) и вышел к Усть-Стрелочному караулу. Его открытия вскоре же повлекло за собою снаряжение двух экспедиций: под начальством Гаврилова (морская) и Ахте (сухопутная) [8, с. 117].

14 (26) мая 1854 г. с рейда Шилкинского Завода по Шилке отплыла флотилия барж, плотов и лодок во главе с парохом «Аргунь». Это был первый сплав по Амуру [9, с. 122–124].

В 1856 г., после завершения третьего сплава по Амуру, по левому берегу реки были поставлены русские военные посты Кутомандский, Кумарский, Усть-Зейский и Хингаиский. В это же время образуется Приморская область с центром в Николаевске [10, с. 123–124].

За это время была картографически изучена практически вся макротопонимия Верхнего Амура и Горного Севера Амурской области. То есть все гидронимы и оронимы (аноронимы) крупных географических объектов эвенкийского, якутского и бурятского происхождения.

3-й этап формирования топонимии Верхнеамурского субстрата (1858–1908) можно назвать «постайгунским». 16 (28) мая 1858 г. в китайском городе Айгуне был заключен трактат России с Китаем, по которому Приамурье снова стало русским.

В мае 1857 г. началось переселение на Амур забайкальских казаков. Казакам-переселенцам объявлялся ряд льгот, поэтому вначале, желающих переселиться было много. В 1857 г. 450 семей Амурского конного казачьего полка были расселены по левому берегу Амура от Усть-Стрелки до Мало-Хинганских рек, образовав 15 станиц и поселков: Игнашино, Сгибеево, Албазин, Бейтоново, Толбузино, Ольгинский, Кузнецово, Аносово, Кумарскую, Казакевичево, Корсаково, Бибиково, Иннокентьевскую, Касаткино и Пашково. Усть-Зейский пост был перенесен на 3 версты ниже по течению Амура и преобразован в Усть-Зейскую станицу, так как здесь было поселено несколько семей казаков. Тут же стали лагерем приплывшие из Забайкалья 14-й линейный батальон и дивизион легкой конной артиллерии.

В период с 1857 по 1862 гг. на Амур было водворено 13 209 человек обоого пола. Необходимость скорейшего заселения края заставила местную администрацию прибегнуть к посе-

лению на Амуре бессрочноотпускных солдат и матросов и даже отбывших срок наказания ссыльнокаторжных.

Переселение крестьян на Амур из Европейской части России началось в 1859 г. Первыми крестьянскими селениями в Амурской области явились деревни Астраханка (ныне Астрахановка, Благовещенского района), основанная переселенцами Таврической и Самарской губерний, и Белогорье, основанная переселенцами, прибывшими из Восточной Сибири (из Иркутской и Енисейской губерний). В следующем 1860 г. возникли селения Егорьевка, на реке Зее, Высокое и село Александровское (ныне г. Белогорск), на реке Томи, село Воскресенское (ныне с. Воскресеновка, Сковородинского района), на Амуре [11, с. 129; 12, с. 115] Кроме того, распространился слух о «веротерпимости», то есть свободе вероисповедания для амурских новоселов. Это привлекло на Амур староверов, молокан, субботников и прочих сектантов из разных областей России. Но в целом из-за сложности и дороговизны движение переселенцев шло весьма медленно – за период с 1859 по 1882 гг. в Амурскую область вселилось всего 8 704 человека. С 80-х гг. XIX в. переселению стало уделяться больше внимания, поэтому с 1883 до 1900 гг. на Амур было переселено 27 582 человека общего пола.

Переселение повлияло в основном на ойконимию. Названия населенных пунктов соответствовали времени их основания (ивентальные); именам и фамилиям основателей и первооткрывателей (именные) [13, с. 11], например: Бибиково, Куприяновка, Поздеевка, Игнашино и многие другие.

Некоторые переселенцы перенесли сюда названия местности, откуда они прибыли (дистантные транс-топонимы). Например: Тамбовка, Екатеринославка, Новокиевский Увал, Верхнеполтавка, Украина, Костюковка (от Костюкевичей Могилёвской области), Могилёвка и т.д.

4-й этап формирования топонимии региона связан с Амурской железной дорогой (важнейшей части Транссиба), картографированием, изыскательскими работами, строительством и новой волной заселения (1908–1924). Этот этап можно условно назвать «транссибирским».

После русско-японской войны, когда возникла острая необходимость связи центра России с Дальневосточной окраиной, царское правительство возвращается к проекту Амурской железной дороги. В 1906 г. партии инженеров Ф.Д. Дроздова и Е.Ю. Подруцкого приступили к повторным изысканиям трассы Амурской железной дороги, и к началу 1907 г. исследованиями было установлено, что западную часть проектируемой линии лучше вести не от Сретенска на Покровку, а от Нерчинска или какого-либо другого пункта вблизи него по долинам рек Куэнга, Алеур, Унгурга, Урюм, Амазар, Чичатка до Урки, то есть до пункта, где находится ныне станция Ерофей Павлович; восточную часть – к верховьям Невера через северную часть Большого Хингана и далее по северному склону плоскогорья Нюкжи. Полевые работы по изысканию восточной части были закончены летом 1907 г. [14, с. 134].

В 1908 г. начались работы по изысканию трассы Амурской железной дороги от Нерчинска до Хабаровска. Начавшееся строительство путей привлекло значительное количество рабочих-переселенцев.

Уже в 1914 г. были сданы в эксплуатацию Западная и Средняя части Амурской железной дороги. По линии железной дороги среди глухой тайги возникло несколько пристанционных поселков, из которых два – Рухлово (ныне Сковородино) и Гондатти (ныне Шимановск) – при Советской власти преобразованы в города; первый – в 1927 г., второй – в 1950 г.

С развитием горнозаводской промышленности были связаны и такие, как Алтан (с тюркского – «золотой»), Золотая Горка, Джида (с эвенкийского – «медный»), Кассетеритный Ключ, Шпатовые Горы, Золотая Каменушка, Железный Кряж, Железница, Серебрянка и т.д.

5-й этап – «этап советского освоения Приамурья» начинается в 1924 г. Заселение идет самыми ускоренными темпами и в плановом порядке. Следует добавить, что в послевоенный период с принятием системы координат Ф. Красовского была упорядочена номенклатура карт-материалов, закрыты последние «белые пятна», систематизирована картографическая топонимика в том виде, какой известна сейчас.

Возникают новые географические названия, вызванные социалистической эпохой, новым витком экономического и культурного развития региона. Строительство поселков и городов, открытие и освоение новых географических объектов сопровождаются появлением названий, принципиально отличных по своему содержанию от старых.

Однако не следует поспешно утверждать, что в «советский» период топонимика региона была исковеркана. О противоположном свидетельствуют факты формирования ойконимии БАМа. Названия поселкам и станциям первоначально давали изыскатели и проектировщики. Были они в основном эвенкийского или якутского происхождения и связаны с ближайшими физико-географическими объектами. Чаще использовали названия рек и озер: Олёкма, Нюкжа, Чильчи, Ларба, Лопча, Дипкун, Дугда, Огорон и т.д. Названия «советского характера» присваивались

безымянным разъездам – им. Ф.А. Гвоздевского (инженер путей сообщения, руководивший изысканиями и проектированием БАМа с 1938 по 1942 гг.), Молдавский, Первопроходцы, Ульяновский строитель, Опетёнок (рядовой инженерных войск, спасший своих товарищей во время наводнения). Межведомственная комиссия по географическим названиям отвергла предложение ЦК КПСС и пришла к выводу, что заменять уже вошедшие в употребление названия нецелесообразно и их необходимо сохранить и взамен предложенных многословных названий, таких как «имени 65-летия ВЛКСМ», или «имени XVII съезда ВЛКСМ» предложила использовать более простые [15, с. 55–58].

На территории Верхнего Приамурья на протяжении многих веков менялись историко-культурные условия, происходили сложные общественные процессы – передвижение и смешение различных народов и племен, обладавших различной языковой культурой. В этом длительном водовороте общественных событий и скрещиваний языков происходило формирование топонимии. При этом каждая появившаяся народность, усваивая и сохраняя прежние географические названия на языке своих предшественников, в то же время вносила в топонимию новое на своем языке, изменяла и модифицировала структуру прежней топонимии, создавала новый топонимический пласт. Иногда эти видоизменения были настолько сильными, что форма и смысл некоторых древних топонимов дошли до нас в искаженном до неузнаваемости виде. В результате этого процесса на территории Верхнеамурского этнотопонимического субстрата образовалась сложная топонимия в виде наслоений географических названий различного языкового происхождения эвенкийского, тюркского, бурятского и русского.

Появление русских в Приамурье не вносило коренной ломки в структуру топонимии, так как сам процесс заселения и присоединения данной территории к России был относительно мирным. Но еще важно то, что на «исследовательских» стадиях освоения проводниками были представители местных этносов, которые пользовались общей для них сложившейся топонимией, и русские первопроходцы приняли ее для удобства, правда, с некоторыми искажениями в русском языке. Свободным, необжитым землям, которые не имели по существу своей собственной топонимики, присваивались славянские названия. Поэтому русские названия относятся к сравнительно малым географическим объектам, которые к моменту прихода их были безымянными или имели неустойчивые названия.

Уникальный «топонимический портрет» Верхнего Приамурья сохраняет следы культурного пребывания разных народов, разных поколений и содержит в себе огромную лингвокраеведческую и лингвокультурологическую информацию, использовать которую в различных областях знаний еще предстоит. Уже сейчас топонимика коренных народов способствует изучению истории освоения, маршрутов миграции, истории культурных контактов различных этносов. Нередко топоним прямо указывает на наличие культурного и экономического взаимодействия разноразличных народов (например р. Якодokit – с эвенкийского переводится как «дорога к якутам») [16, с. 15].

В связи с этим необходимо обратить внимание на зарубежный опыт. Например, в США реализован проект NAPUS «Топонимия коренного американского населения Соединенных Штатов: принципы и проблемы» – объемная энциклопедия на всю территорию Соединенных Штатов, изданный университетом штата Оклахома под редакционным руководством Уильяма Брайта заслуженного профессора лингвистики и антропологии из университета Колорадо (UCLA) в 2003 г. Примечательно, что это государственный проект, которому предшествовал другой госпроект – создание Национальной геоинформационной системы (GINS) [17]. В Российской Федерации подобные проекты с целью увеличения посещаемости учреждений культуры (в частности музеев) и расширения туристических связей только начинаются.

Ссылки:

1. Тарасов О.Ю., Маркова О.В. Перспективы топонимических исследований: разработка принципов «уровневой» методологии. Магадан, 2008. № 3.
2. Тарасов О.Ю. Топонимика Дальнего Востока. Культурологический анализ. Хабаровск, 2003.
3. Маслюков Г.Е. Речная система Могочинского района. Чита, 2006.
4. Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск, 1961.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Кириллов А.В., Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей (репринтное издание). Благовещенск, 1994.
13. Тарасов О.Ю. Указ. соч.
14. Новиков-Даурский Г.С. Указ. соч.

15. Димиденок Р.П. Новые поселки на БАМе // Амурский краевед. Благовещенск, 1993. Вып. 3. С. 50–62.
16. Тарасов О.Ю. Указ. соч.
17. Bright w. The NAPUS project (Native American placenames of the United States): principles and problems. 2004. URL: <http://www.topozone.com/map./Index-html> (дата обращения: 18.12.2011).

References (transliterated):

1. Tarasov O.Y., Markova O.V. Perspektivy toponimicheskikh issledovaniy: razrabotka printsipov «urovnevoy» metodologii. Magadan, 2008. № 3.
2. Tarasov O.Y. Toponimika Dal'nego Vostoka. Kul'turologicheskiy analiz. Khabarovsk, 2003.
3. Maslyukov G.E. Rechnaya sistema Mogochinskogo rayona. Chita, 2006.
4. Novikov-Daurskiy G.S. Istoriko-arkheologicheskie ocherki. Stat'i. Vospominaniya. Blagoveshchensk, 1961.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Ibid.
11. Ibid.
12. Kirillov A.V., Geograficheskoye-statisticheskoye slovar' Amurskoy i Primorskoy oblastey (reprintnoe izdanie). Blagoveshchensk, 1994.
13. Tarasov O.Y. Op. cit.
14. Novikov-Daurskiy G.S. Op. cit.
15. Dimidenok R.P. Novie poselki na BAME // Amurskiy kraeved. Blagoveshchensk, 1993. Issue 3. P. 50–62.
16. Tarasov O.Y. Op. cit.
17. Bright w. The NAPUS project (Native American placenames of the United States): principles and problems. 2004. URL: <http://www.topozone.com/map./Index-html> (date of access: 18.12.2011).